

В начале XX в. отмечается такая особенность в миграции населения, как тяготение к городу, свойственная этому периоду. Процесс урбанизации после некоторой задержки в годы Первой мировой и Гражданской войн вновь активизировался, в особенности вследствие жесткой политики большевиков в деревне. В большинстве европейских государств в процессе индустриализации городское население преобладало над сельским (в Англии городское население в 1920-х гг. составляло 78%, в Норвегии — 72% и т.д.). Сибирь в 1920-е гг. представляла собой во многом еще традиционный крестьянский регион, где большинство населения проживало в сельской местности. Особенно большим процентом сельского населения отличался Красноярский край, где сказывались результаты активного крестьянского переселения и слабое развитие промышленности. В 1920 г. сельское население составляло 87,9%, а в 1926 г. — 88,6%. В Иркутской области в 1920 г. доля сельского населения составляла 77,5%, а в 1926 г. — 78,3%. Такой разрыв был отмечен еще в дореволюционный период. Отчасти это связано с наличием такого крупного города, как Иркутск, обгонявшего по численности населения все прочие города Восточной Сибири, в том числе Красноярск и Читы.

Таким образом, под влиянием революционных преобразований в стране, последовавших в 1920-е гг., изменяется демографическое положение крестьянства. Постепенно начала формироваться крестьянская семья европейского типа, что определило ее демографическое и экономическое поведение. Под воздействием вышеуказанных тенденций начинается медленное сокращение рождаемости, что наряду с потерями в годы войн и от эпидемий заставило советское правительство продолжать переселенческую политику в изучаемый регион, благодаря чему удалось восстановить демографические потери и восстановить экономику региона.

С.А. ШАЛАМОВА

СПЕЦИФИКА СЕМЕЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ГУБЕРНСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ЦЕНТРОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв. (по материалам Переписи 1897 г.)

В условиях начального этапа модернизации и урбанизации сибирского общества в конце XIX–начале XX вв. трансформации подверглись различные стороны жизни сибирского общества, в том числе изменения коснулись института брака и семьи, что особенно ярко проявилось в крупных сибирских городах. В этой связи, немаловажно выяснить осо-

бенности семейно-брачных взаимоотношений в сибирской городской семье в изучаемый период и определить место молодежи в этих процессах (на примере Иркутска, Красноярска, Читы и Якутска).

Под молодежью автором понимается поколение молодых людей, в условном возрастном промежутке от 16 до 30 лет, объединенных общностью возрастных и социально-психологических свойств, с характерными для данной группы социокультурными особенностями (*Шаламова С.А. Проблема границ совершеннолетия и брачного возраста молодежи на рубеже XIX–XX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 366*).

Материалы переписи 1897 г. содержат интересные сведения о семейном положении городской молодежи Иркутска, Красноярска, Читы и Якутска, о количестве молодых мужчин и женщин, состоящих и не состоящих в браке, о вдовых и разведенных, что в целом позволяет охарактеризовать уровень брачности молодых горожан. В частности внимание автора будет концентрироваться на возрастной группе молодежи 20–29 лет, так как данный возраст был наиболее благоприятен для вступления в брак и создания семьи.

Статистические данные свидетельствуют о том, что показатели брачности молодежи мужского пола во всех губернских и областных центрах Восточной Сибири были очень близки — лишь чуть больше 1/3 молодых людей вступили в брак до 29 лет (*Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. СПб.: Изд-е Центр. стат. ком-та МВД, 1904. С. 18–19*). Судя по практической идентичности показателей женатых молодых мужчин в Иркутске и Якутске, сословный и национальный состав населения не имел определяющего влияния на их брачное поведение. Несколько иначе дело обстояло с молодыми женщинами в областных центрах — Чите и Якутске, где от 70% и более женщин состояло в браке в 1897 г. (*Там же. С. 20–21*). Эти данные свидетельствуют о значительных различиях между областными центрами.

В губернских центрах ситуация с брачностью молодых женщин немного другая. В 1897 г. в Иркутске и Красноярске насчитывалось от 59 до 61% молодых женщин состоящих в браке. Таким образом, если данные по Якутску и Чите особых вопросов не вызывают, то вызывает удивление невысокий процент состоящих в браке молодых женщин в Иркутске и Красноярске при одинаковом проценте вдов и разведенных во всех городах (*Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. СПб.: Изд-е Центр. стат. ком-та МВД, 1904. С. 18–19*).

Очевидно, что в Иркутске и Красноярске, девушки несколько позднее вступали в брак в рамках изучаемой возрастной группы 20–29 лет, что может свидетельствовать о более заметном влиянии урбанизации в сравнительно более крупных и развитых городах, какими были Иркутск и Красноярск в конце XIX–начале XX вв.

Более активное вступление в брак среди девушек Якутска и Читы, было связано с религиозным составом населения, когда нормой были ранние браки. Например, в Забайкалье среди буддистов, ламаистов, шаманистов переписью 1897 г. были зафиксированы браки мужчин в возрасте 13–16 лет, девушек — в возрасте 10–14 лет. Кроме того, на показатели брачности женщин в областных центрах влияли особенности полового состава молодежи, когда мужчины численно преобладали над женщинами, в результате чего у девушек было больше шансов выйти замуж.

Судя по анализу показателей брачности молодежи в крупных губернских центрах Иркутске и Красноярске в конце XIX–начале XX вв. наметились некоторые изменения традиционных ценностей и норм демографического поведения горожан, наблюдаемых в крупных городах Европейской России, чему способствовали многие факторы. Среди них: качественные изменения социально-экономического характера как следствие индустриализации и урбанизации российского общества; молодой возрастнополовой состав городского населения, в котором преобладали мужчины; участие женщин в профессиональном труде; накопление в обществе научных знаний и представлений. Все это вносило перемены в брачное поведение людей и вступление в брак становилось менее обязательным, чем было ранее; наблюдалось постепенно сокращение брачности населения. Например, в России в 1870-х гг. на 1 тыс. населения приходилось — 10 браков, то в 1913 г. — 8,5 (*Население России в XX веке. М.: «РОСПЭН», 2000. Т. I. С. 38*). Скопление в городах мужчин и женщин рабочих возрастов, наличие в них военнослужащих обусловило значительное число холостых мужчин и незамужних женщин, причем они преобладали над состоящими в браке, что было зафиксировано в переписи 1897 г.

По-видимому, такая общероссийская тенденция уже коснулась и крупных сибирских городов Иркутска, Красноярска, гораздо медленнее эти процессы протекали в удаленных областных центрах — Чите и Якутске. Но преобладание холостых мужчин над женатыми в возрастной группе 20–29 лет было характерно и для этих городов.

Что касается специфики заключаемых браков среди молодежи, то согласно переписи 1897 г., браки имели довольно устойчивый характер, так как число разведенных молодых мужчин и женщин в Иркутске, Красноярске, Чите и Якутске практически равно нулю (*Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. С. 18–19*). Это явление было связано как с традиционными установками и взглядами, направленными на стабильность семьи и ее сохранение, сложившимися в сибирском обществе и регламентировавшихся церковью, так и со сложностью бракоразводных процессов в семейном законодательстве в целом.

Как правило, развод рассматривался духовным судом имеющих в России вероисповеданий и допускался только в следующих случаях: ког-

да супруг пропал без вести, его лишили всех прав состояния и присудили к ссылке в каторжные работы, либо на поселение или водворение; если другой супруг не последовал за осужденным в место ссылки; при посягательстве одного супруга на жизнь другого или жестоком, опасном для жизни и здоровья обращении одного супруга с другим; при нарушении супружеской верности прелюбодеянием, половой слабости супруга.

Между тем, в начале XX в. разводы в России постепенно приобретали новые черты, что в большей степени выражалось, не в количественных, а качественных изменениях, менялась обоснованность разводов. Если, для XIX в. основанием для развода в основном были такие причины, как «безвестное отсутствие супруга» и «присуждение супруга к лишению прав состояния...», то в начале века произошло увеличение разводов из-за доказанного «нарушения супружеской верности прелюбодеянием» (*Население России в XX веке. Т. I. С. 40*).

В условиях максимального ограничения разводов прекращение браков наступало в большинстве случаев в результате смерти одного из супругов. Но, как показали данные переписи 1897 г., среди молодежи изучаемой группы 20–29 лет процент вдовцов в Иркутске, Красноярске, Чите и Якутске совсем небольшой и в среднем колеблется от 0,5–1% (*Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. С. 18–19*). Среди молодых женщин во всех городах процент вдов колеблется от 2–3%, что связано с большой разницей в годах, у вступающих в брак мужчин и женщин, в результате чего девушки раньше вступали в брак и чаще мужчин доживали до глубокой старости. Это явление вполне совпадает с общероссийскими тенденциями, когда вдов было больше среди городского населения при высокой мужской смертности в наиболее трудоспособных возрастах.

Таким образом, анализ переписи 1897 г. показал, что в губернских центрах Восточной Сибири — Иркутске и Красноярске влияние начального этапа урбанизации и модернизации сибирского общества на семейно-брачную структуру было более заметным, городская молодежь при достижении брачного возраста менее активно вступала в брак, в отличие от молодежи более удаленных и менее развитых областных центров — Читы и Якутска. Тем не менее, установки на брак и создание семьи были сильны во всех изучаемых городах, так как основная масса городской молодежи принадлежала к православному вероисповеданию и рассматривала вступление в брак как выполнение своего долга перед Богом и обществом, немаловажную роль в этом процессе играли традиции.